

Сказав это, он одной рукой подтащил Линь Лэя и подмигнул ему. Линь Лэй, всё ещё морщась от боли, понял намёк и извинился перед Лян Сяофэем, смирившись.

Большинство остальных пришли только ради игры в футбол, не желая участвовать в конфликтах. Увидев, что одна сторона сдалась, они решили быть миротворцами, уговаривая Сун Сияня успокоиться.

Сделав несколько глубоких вдохов, Сун Сиянь остыл и без особых эмоций сказал Линь Лэю:

— Не сильно ударился? В следующий раз будь осторожнее на язык, не все такие терпеливые, как я.

Линь Лэй кивнул. На поверхности конфликт быстро вспыхнул и так же быстро угас, словно ничего и не было.

Однако после этого инцидента желание играть в футбол у всех поутихло. Они ещё немного поиграли, но удовольствия это не принесло. К тому же уже смеркалось, и все стали прощаться, разойдясь по домам.

По дороге домой Лян Сяофэй наконец получил возможность поговорить с Сун Сиянем.

— Сиянь, тебе лучше больше не общаться с теми двумя.

— Почему? — спросил Сун Сиянь, следуя его мысли.

Лян Сяофэй объяснил:

— У Линь Лэя скверный характер, и он, похоже, не самый лучший человек, легко ругается и готов драться. А Дин Ляокай, хоть и был с Линь Лэем, но когда мы с ним поругались, он не вмешался, а только когда одна сторона проиграла, решил быть миротворцем. Выглядит, будто он справедливый, но на самом деле у него плохие намерения, кто знает, что у него на уме.

Закончив свой анализ, Лян Сяофэй заметил, что Сун Сиянь молчит. Он повернулся к нему:

— Почему молчишь?

Сун Сиянь вздохнул, и в его голосе прозвучала какая-то взрослая усталость:

— Но мне кажется, с ними весело проводить время.

— Что?

— Все прямолинейные, искренние, если что-то не нравится — ругаются, если не получается — дерутся. Братья держатся друг за друга, если кого-то обидели, другие без раздумий мстят за него. Если встречаются несправедливые люди, можно решить всё кулаками, не тратя слов. Жить проще. Я не такой умный, как Чжэн Цзыжань, не могу угодить учителям. И не такой трудолюбивый, как ты, даже зная, что недостаточно хорош, не хочу прилагать больше усилий. Я не могу усидеть на месте, не создан для учёбы и не люблю, когда мной командуют. Я никогда не пойду по пути, который ожидают от меня взрослые. — Он продолжил:

— У каждого — своя жизнь, Сяофэй. Ты, я, Чжэн Цзыжань — мы все из разных миров. Я, вероятно, принадлежу к миру Дин Ляокай и его компании.

Эти слова, полные отчаяния и бунтарства, снова удивили Лян Сяофэя.

Лян Сяофэй уговаривал Сун Сияня всю дорогу, но бунтарский подросток, который уже был на грани отчаяния, не слушал его. Чжэн Цзыжань, самый решительный из троих, уже был отнесён Сун Сиянем к числу тех, с кем он не хочет общаться. Лян Сяофэй чувствовал, что на его плечи ложится огромная ответственность, и спасение бунтаря Сун Сияня должно быть срочно включено в список приоритетов.

В оставшиеся дни каникул Лян Сяофэй почти каждый день приходил к Сун Сияню домой, став его тенью, следуя за ним повсюду. Чтобы не дать Сун Сияню сбежать и связаться с плохой компанией, он даже пожертвовал временем, отведённым на летние задания.

Однако его жертва была не напрасной. Дин Ляокай дважды пытался пригласить Сун Сияня поучаствовать в своих разборках с другими группами, но Лян Сяофэй, притворяясь дурачком, сорвал все планы. В результате, при последней встрече перед началом учебного года, Дин Ляокай и Линь Лэй, увидев Лян Сяофэя, сразу же нахмурились, словно хотели приклеить к своим лбам надпись «Не рады видеть».

Лян Сяофэй был доволен этим. Если бы они ещё и перестали общаться с Сун Сиянем, это было бы идеально.

Так прошло всё лето, без особых происшествий. За три дня до окончания каникул Лян Сяофэй наконец сдался, принёс тяжёлую стопку летних заданий в комнату Сун Сияня и заставил его вместе с собой писать — точнее, списывать.

Писать задания Сун Сиянь считал ниже своего достоинства. Но, возможно, вдохновлённый упорством Лян Сяофэя или просто не желая выслушивать учителей в начале учебного года, он нехотя взял ручку, вытащил из угла комнаты свои разбросанные задания и начал медленно списывать.

Надо сказать, что задания, которые Лян Сяофэй одолжил, были действительно качественными: почерк был аккуратным и красивым, а решения задач — чёткими, как в учебнике. Сун Сиянь, списывая, не удержался и похвалил:

— Кто это написал? Задания просто отличные.

Лян Сяофэй посмотрел на него с укором:

— Бессердечный ты человек, всю жизнь списываешь у него, а почерк Чжэн Цзыжана не узнаёшь?

Едва он закончил, как Сун Сиянь шлёпнул ручкой по столу:

— Не буду писать.

Лян Сяофэй почувствовал головную боль:

— Ладно, не списывай.

При этом он продолжал быстро писать.

Сун Сиянь, глядя на его быстро движущуюся ручку, вдруг разозлился:

— Ты тоже не списывай.

Лян Сяофэй сделал вид, что не слышит. По его мнению, Сун Сияня уже нельзя было баловать,

он уже почти взбунтовался! Но пока он писал, Сун Сиянь, видя, что его слова игнорируют, разозлился ещё больше и выхватил у него аккуратно написанные задания.

Накануне начала учебного года Лян Сяофэй, держа в руках толстую пачку тетрадей, постучал в дверь Чжэн Цзыжаня. Тот, стоя на пороге, взглянул на соседнюю дверь и впустил его.

Лян Сяофэй, держа тетради, с сожалением сказал:

— Прости, я испортил несколько тетрадей.

Чжэн Цзыжань безразлично взглянул на них, ничуть не удивившись:

— Ничего, испортил — так испортил.

— Эх, с таким трудом написанные. Сун Сиянь просто безнадёжен, не хочет списывать — и ладно, но ещё и мне не даёт. Рвать чужие задания — это уже перебор. Ему больше нельзя общаться с той компанией, иначе он вырастет полным хулиганом, — беспокоился Лян Сяофэй.

Чжэн Цзыжань взял свои задания и взглянул на них. Действительно, выглядели они плачевно: несколько листов едва держались на корешке, и ещё несколько движений — и они бы развалились. Он положил эту жалкую кучу на стол и налил Лян Сяофэю стакан сока.

Лян Сяофэй, потягивая сок под включённым кондиционером, начал докладывать о своих последних наблюдениях:

— Я думаю, Дин Ляокай намеренно сближается с Сиянем, но зачем — не могу понять. Линь Лэй явно недолюбливает Сияня, они часто ссорятся, даже дрались, но он всё равно не разрывает с ним отношения. Создаётся впечатление, что его заставляет общаться с Сиянем Дин Ляокай. Не знаю, может, я слишком подозрительный, но мне кажется, у них плохие намерения.

Чжэн Цзыжань кивнул:

— Ещё что-нибудь?

Лян Сяофэй подумал и сказал:

— Недавно Дин Ляокай и его компания поссорились с ребятами из младшей школы при Первой средней школе, говорили, что хотят восстановить репутацию, и хотели позвать Сияня, чтобы он поддержал их. К счастью, я пришёл раньше и обманул их, сказав, что дяди Сияня приедут к бабушке, и они отпустили его.

Семья Сун Сияня была необычной. У него не было отца, он рос с матерью, которая жила с дедушкой и бабушкой. Вся семья, за исключением Чжао Линьлань, от дедушки и бабушки до старшей двоюродной сестры Сун Сияня, состояла из учителей. Во время новогодних собраний дяди и тёти постоянно называли друг друга «профессор», «доцент» или «учитель».

Даже если Дин Ляокай и его компания общались с местными хулиганами, они всё же были ещё молоды. Школьные устои глубоко укоренились в них, и они испытывали определённое уважение к профессии учителя. Поэтому они не хотели связываться с семьёй Сун Сияня, где все были учителями.

Выслушав Лян Сяофэя, Чжэн Цзыжань задумался и дал ему наставление:

— После начала учебного года следи за Сиянем. Я посмотрел списки классов для второго года, вы с ним в одном классе. Если что-то случится, сразу сообщай мне.

<http://bllate.org/book/16804/1545345>